

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию Романовой Ксении Сергеевны

«Рецепция Константинополя-Стамбула в русской литературе

первой трети XX века»,

представленную на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

по специальности 10.01.01 – русская литература.

Городской текст в русской литературе изучается, как правило, в его московском и петербургском воплощении, в работах К. Исупова, М. Селемёновой, В.Н. Топорова и др., хотя в последнее время появились и региональные исследования, например, об Иванове как о «русском Манчестере» (Л. Таганов). Однако это относится, в основном, к литературе метрополии. Литература Русского рассеяния вынужденно осваивала новые топосы – Париж, Берлин, Прагу, Харбин, позже – Нью-Йорк. Но первым в этом ряду был Стамбул-Константинополь, город, ставший для многих пристанищем на долгом пути изгнания. Здесь начали формироваться культурно-адаптационные практики первой волны эмиграции, возникали первые литературные журналы, издательства, литературно-художественные объединения. Формировался и новый образ самого Константинополя, города, столь много значившего для русской культуры, создавался его миф. Вековая мечта о «вратах Царьграда», потом о Босфоре и Дарданеллах, пройдя через поиски туранского элемента в русской культуре кн. Н. Трубецкого, воплотилась затем и в литературе, и в живом и сегодня евразийстве.

Поэтому **актуальность** работы К.С. Романовой определяется как стремлением диссертанта восполнить исторически образовавшийся пробел в картине литературного процесса, в истории создания «городского текста» в первой половине XX века, так и обращением к малоизученным аспектам

творчества западных и русских писателей второй половины XIX в. – первой трети XX в.

Структура работы, состоящей из введения, двух глав, заключения и библиографии соответствует логике развития научной мысли диссертанта: генезис мифопоэтического образа Константинополя-Стамбула во французской и англоязычной литературах, в русской литературе Серебряного века, в литературе раннего соцреализма позволяет подвергнуть анализу рецепцию темы Константинополя-Стамбула конкретными авторами и подчеркнуть специфику их философско-эстетических воззрений в динамике историко-литературного процесса указанного периода.

Обоснованность научных положений, выносимых на защиту, не вызывает сомнений. Все три положения раскрываются доказательно и аргументированно, что позволяет К.С. Романовой выявить константинопольский текст в литературе указанного периода, провести компаративный анализ рецепции мифа Константинополя-Стамбула в зарубежной и русской литературе и на основе этого анализа определить общие черты его восприятия и эстетизации.

Диссертантом доказано, что и в западно-европейской, и в русской литературе (Серебряного века, первой волны эмиграции и раннего соцреализма) византийская (в случае западноевропейской литературы как часть общей большой ориенталистской темы) актуализировалась авторами для выражения своих собственных историософских взглядов. Эта актуализация и эстетизация развивались в характерном для литературы диалоге-отталкивании, в споре с предшествующей традицией (в случае с французской литературой – с классической книгой Ф.-Р. де Шатобриана «Путешествие из Парижа в Иерусалим...» (1811), не только проложившей маршрут, ставший затем традиционным, но и заложившей основы жанра «литературных путешествий» на Восток.

Анализ разножанровых произведений стамбульского периода эмигрантов первой волны позволяет К.С. Романовой обоснованно доказать,

что именно этот трагический опыт во многом сформировал стиль таких разных авторов, как Г. Газданов, Б. Поплавский, Н. Тэффи, Г. Кузнецова и А. Аверченко. Интересно и перспективно для дальнейших исследований включение в этот «константинопольский текст» прозы П. Павленко, бывшего в ранние годы своей литературной карьеры членом Содружества «Перевал». Подчеркнём эту важную особенность работы К.С. Романовой – её многовекторность.

Однако, как почти любая пионерская работа, диссертация К.С. Романовой вызывает и вопросы, и отдельные замечания.

Стилистически работа почти не вызывает замечаний, укажем лишь на контекстуально неоправданное употребление глагола «перепевать» при разговоре о восприятии русской литературой ориенталистской темы, и глагола «смаковать» в значении «восторгаться, восхищаться» при описании картин Стамбула.

Укажем на некоторую публицистичность и порой излишнюю повествовательность. Автору следовало бы уделять больше внимания комментариям аналитического характера, что, надеюсь, и будет сделано в дальнейшем. Например, в подглавке о Н. Тэффи выводы могли бы более сформулированы более фундаментально. Н. Тэффи, как и большинству художников-модернистов, присуще индивидуальное осмысление цветовой символики. И здесь надо было бы дать ссылку на А. Белого «Священные цвета» или В. Кандинского «О духовном в искусстве», на это общее понимание цвета поэтом и художником. О мифопоэтике цвета у русских символистов есть интересная диссертация Л.Ю. Парамоновой (2017).

Соискатель справедливо пишет о необходимости целостного подхода – и здесь хорошо бы несколько подробнее о том, в чем именно состоит эта необходимость?

Хотелось бы и уточнения мотивов и причин, от которых зависело восприятие Константинополя авторами текстов. Это важный вопрос, поэтому хотелось бы больше доказательности и в рассмотрении творчества У. Йейтса,

потому что в европейских литературах были и другие авторы, привлечённые восточной темой. Особенно это касается французской литературы, для которой Восток, начиная с Ф.-Р. де Шатобриана, был своеобразной «géographie imaginaire», а изучению образа Стамбула в турецкой литературе и сегодня посвящены книги французских исследователей. Неслучайно и то, что в Турции именно на французском языке выходит интересная серия исследований «Les cahiers du Bosphore».

Важно и интересно было чётче провести линию от Т. Готье к Ш. Бодлеру, посвятившему свои «Les Fleurs du mal» Т. Готье, к русским символистам, в некотором роде создавшим культ Ш. Бодлера и к Н. Гумилёву.

Влияние эстетики А.К. Воронского и художественных принципов Содружества «Перевал» на формирование творческой манеры П. Павленко изложено очень схематично. Желательно было сослаться при этом на книги Г.А. Белой и на монографию Овчаренко А.Ю. (с.132-133 работы).

Однако, все указанные замечания и пожелания не снижают общего впечатления от работы К.С. Романовой. Актуальность, научная новизна, достоверность результатов, полученных лично диссертантом, не вызывает сомнений. Автореферат и пять публикаций, размещенных в изданиях, рекомендованных Ученым Советом МГУ им. М.В. Ломоносова адекватно и достаточно полно отражают научные положения и выводы исследования.

Представленная к защите диссертация К.С. Романовой является завершённым научно-квалифицированным трудом, отвечающим требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.01.01 – «Русская литература» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертация К.С. Романовой оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном

совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, а сама соискатель, Романова Ксения Сергеевна, заслуживает присуждения ей искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература».

Официальный оппонент
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка
Юридического института
Федерального государственного
автономного образовательного учреждения
высшего образования «Российский университет
дружбы народов»
Овчаренко Алексей Юрьевич

28.10.2019

Контактные данные:
тел.: +7 (909) 165-86-41, e-mail: ovtcharenko-1959@yandex.ru
Специальность: 10.01.01 – «Русская литература».
Адрес места работы:
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
499-433-8022; <http://www.rudn.ru/>

Подпись доцента Овчаренко Алексея Юрьевича
удостоверяю.

Учёный секретарь ученого совета РУДН
профессор

 В.М. Савчин